

№ 46.

Годъ

ПОДПИСНАЯ ЦВЕА:

первый.

1859.

ХАРЬ

КОВЪ.

ПОДПИСКА ПРИНОСИМАЕТСЯ:

Безъ доставки Съ доставкою и пересылки. и пересылкою.

За годъ 2 руб. сер. 2 р. 50 к. с.—полгода 1 р. 25 к. 1 р. 60 к.—

Выход. три раза въ недѣлю: по Понедѣльникамъ, Средамъ и Пятницамъ, исключая Свѣтлой недѣли.—

Губернскія Вѣдомости:

Безъ переплета , 3 р. сер.

Въ переплѣтѣ , 3 р. 85 к.

За доставку на дому или пересылку по почтѣ въ годъ 50 к.

Подпишися на оба изданія вмѣстѣ платить за пересылку или доставку того и другаго не 1 р., а только 50 к. с.

ПОНЕДѢЛЬНИКЪ,

25-Е МАЯ.

II.

ИСТОРИКО-СТАТИСТИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ ГОРОДА ХАРЬКОВА.

Сочин. Сем. Иван. Кованько.

Харьковъ по переименованию губернии изъ Слободской-Украинской въ Харьковскую.

(Продолжение).

Императоръ Николай I.—Общество.—Съезды.—Характеристика общества.—Театръ.—Прѣзжая труппа.—Забавные сцены.—Новый деревянный театръ.—Щепкинъ.—Чувствительность публики.—Наставительность пьесъ.—Национальные искусства.—Сужденія о музыке.

Въ 1832-мъ году, 11го сентября въ 6-ть часовъ утра, прибылъ въ Харь-

ковъ изъ Полтавы Императоръ Николай Павловичъ, прямо въ царскую квартиру, въ домъ купца Безхолдиного (бывшій Ломакина). Въ 10 часовъ былъ встрѣченъ въ соборѣ архіереемъ Иннокентіемъ (Александровымъ, который теперь на покое въ Куряжѣ) съ духовенствомъ, у южныхъ воротъ ограды, потому что тогда отдаивалася нижний сводъ колокольни и входа въ церковь съ запада не было. По совершении ектеніи и возгласѣ многолѣтія, Государь приложился въ кресту; преосвященный поднесъ въ руки Ему Икону Спасителя въ сребропозлащенномъ окладѣ. Послѣ того Царь осмотрѣлъ институтъ, университетъ, гимназію (еще въ старомъ домѣ), тюремный замокъ и въ 4 часа отправился въ Чугуевъ.

Въ 1835 году, 18 октября, Николай Павловичъ, проѣздомъ въ Вознесенскъ, прибылъ въ Харьковъ, прямо въ соборъ.

(Приб. къ Харьк. Губ. Вѣд.)

Бывшій преосвященный въ августѣ выѣхалъ въ Иркутскъ, Иркутскій же архіепископъ Мелетій еще не пріѣзжалъ въ Харьковъ, и потому встрѣчалъ Государя архимандритъ, ректоръ семинаріи Ioannъ (переведенный потомъ ректоромъ въ Казанскую духовную академію) съ градскимъ духовенствомъ.

Государь въ числѣ учебныхъ заведеній осматривалъ и гимназію, въ которой, при подачѣ почетнаго рапорта директоромъ въ уланскомъ мундирѣ, спросилъ съ удивленіемъ: ты, братъ, какъ здѣсь? потомъ, замѣтивъ одного ученика въ пажескомъ мундирѣ, спросилъ: чье это дитя? взявъ его подъ бородку. То былъ сынъ князя Николая Борисовича Голицына, Юрій, правнукъ тогдашняго попечителя округа графа Головкина, по женской линіи (впослѣдствіи Тамбовской предводитель). Послѣ Царь разсмотривалъ тетрали, чертежи и рисунки гимназистовъ, и сказалъ попечителю гимназіи графу А. И. Гендрикову (впослѣдствіи оберъ-шталмейстеру): ты вездѣ будешь хорошошъ. Съ Государемъ былъ наслѣдный принцъ Шведскій, которому Императоръ сказалъ, съ улыбкой указывая на гимназистовъ: ce sont tous les gamins de la ville.—По выѣздѣ въ Чугуевъ, Государь излилъ милости на чиновниковъ, по представленію губернатора П. И. князя Трубецкаго. Около семидесяти гражданскихъ чиновниковъ получили ордена, подарки и званія придворные.

Въ то время уже многія семейства изъ нашей и другихъ губерній пріѣзжали въ Харьковъ для воспитанія дѣтей, для лечения и съ цѣлію пожить въ нашемъ городѣ. Учрежденъ былъ «дворянскій клубъ» въ домѣ Черкесова (послѣ Сопки, гдѣ Харьковская гостини-

ца); содѣржатель его, бывшій фехтоваль-ный учитель при университетѣ, Ледюкъ, одинъ изъ наполеоновскихъ гвардейцевъ, бился изо всѣхъ силъ, чтобы поддержать веселость общества; танцо-вали до упаду; главную роль въ экос-сесахъ, полонезахъ и алагревахъ играли студенты; скоро потомъ э-то собраніе назвали «танцевальнымъ клубомъ» и директоромъ его былъ Г. Ф. Квитка (*).—Къ тому же здѣсь квартиро-вали конные полки, а потомъ (именно съ 1817 г.) близость военного поселенія снаб-жала харьковское общество военными ка-валерами, необходимыми для баловъ и со-браний. Чиновники ученые были тогда наперехватъ приглашаемы въ лучшіе до-мы для просвѣщенныхъ бесѣдъ. Чинов-ники гражданскіе и просвѣщенное духо-венство также еще были членами обще-ства, но уже не вездѣ, а изрѣдка, по приличію дней. Такимъ образомъ вре-мя шло не дурно. Завтраки, обѣды, чаи, вечера, дѣтскіе праздники, бесѣды—уче-ныя, литературныя, семейныя, дѣловыя и другія удовольствія не позволяли скучѣ вкореняться въ Харьковѣ. Съ нача-ломъ осени открывались вечера въ bla-городномъ собравіи. Крещенская ярмар-ка увеличивала съѣздъ помѣщиковъ съ семействами, которые оставались иногда до поста и увеличивали благородныя со-брания. Образованное харьковское купе-чество также участвовало въ этихъ со-бранияхъ, и на вечерахъ здѣсь бывало иногда около 500 особъ. Нѣкоторые изъ такихъ вечеровъ, также маскарады, концерты, иногда спектакли давались въ пользу бѣдныхъ. Такъ, тогда, по старой поговоркѣ, соединяли пріятное съ полез-

(*) Основьяненко, Г. Данилевскаго.

нымъ, въ чёмъ однако и наше время не отстаетъ ни сколько.

Не за долго до переименовавія губерній купеческое собраніе было многочисленнѣе дворянскаго, и вотъ причины: въ первое ъздили въ каретахъ, въ саняхъ, на козырькахъ, даже пѣшкомъ ходили, съ 7 часовъ вечера, и тамъ два раза въ продолженіи танцевъ подавалась легкая закуска; во второе пріѣзжали только въ лучшихъ экипажахъ, съ 10 часовъ вечера, и силы трудившихся не были подарѣны безденежною закускою.

Вообще общество, въ первую половину этого времени (1815—1825) и далѣе, платило еще дань мистицизму и сентиментальности и затмѣвало уже латинскія поговорки ученыхъ французскими фразами. Азартныя игры еще свирѣпствовали, но только украдкой. Моды, театръ, литература, журналистика, массонскія ложи, хозяйство, любовь, дружба, отечественная война, политика, Карамзинъ, Каразинъ, Сковорода, Московскій и Харьковскій университеты, Сіонскій Вѣстникъ, магнетизмъ, Жуковскій и Пушкинъ—были обыкновенными предметами бесѣдъ. На французскомъ языке читались—мужчинами болѣе библія, а дамами романы, разумѣется въ другое въ высшемъ обществѣ. Въ послѣдніе десять лѣтъ этого времени (1825—1835), какъ и двадцать новѣйшаго періода, всякая бесѣда болѣе и болѣе замѣнялась у молодыхъ танцами, у стариковъ картами, и наконецъ карты надѣвались и надѣвали одержали рѣшительную победу.... Впрочемъ «Вѣстникъ Европы», а потомъ «Московскій телеграфъ», «Сѣверная Пчела», наконецъ «Библиотека для чтенія» и Гоголь прерывали иногда

безмолвіе; французскія книги дѣшили въ ходъ. Моды въ этотъ періодъ и обращеніе различали еще разные возрасты въ обществѣ. Праздникъ отличался еще отъ будня убранствомъ, пищей, провожденіемъ времени. Театръ шелъ въ параллель и въ союзѣ съ картами, занимая поперемѣнно съ ними общество серьезныхъ, и съ танцами—общество молодыхъ людей. Вотъ главныя черты тогдашняго общества, остаточные изображенія въ мѣстахъ прогулокъ, въ публичныхъ учрежденіяхъ, учебныхъ заведеніяхъ, а за тѣмъ еще принадлежать частію въ предшествовавшему, а частію въ послѣдующему періоду,—съдовательно, частію уже опредѣлены, а частію опредѣляются въ послѣднемъ періодѣ современного Харькова. Всусъ къ изящнымъ искусствамъ былъ уже на значительной степени развитія: живопись, музыка, спекулярное искусство находили въ обществѣ не только дилетантовъ, но и артистовъ; здѣсь были писатели и писательницы.

Съ 1813 г. возобновлены представленія въ театрѣ, но только на время ярмарокъ, пріѣзжею труппою Калиновскаго, плохаго актера и (по словамъ Г. Ф. Квитки) содержателя себѣ на умѣ. Въ то время посѣтители театра безденежно могли наслаждаться зрѣлищемъ первообраза извѣстной пьесы «Сбора актеровъ», которая, искусственно даваемая на сценѣ, ни когда уже не сравняется съ подлинными вазусами своего прототипа. Теперь мы не умѣемъ веселиться, всѣ общественные удовольствія составляютъ должностной обрядъ человѣка, скучающаго дома. То-ли дѣло тогда, въ дѣствѣ въ театра и общества! Иногда студенты ламывали комедіи и трагедіи, по словамъ одного изъ нихъ, бывшаго профессо-

ромъ; имено Филомаитскаго; но все таки настоящій театръ былъ интереснѣе. Здѣсь часто, предъ началомъ представлѣнія, актеры, одѣвшись, не хотѣли выходить безъ полученія слѣдующаго за мѣсяцъ жалованья. Часа по два публика ожидала окончанія торговъ между актерами и содержателемъ театра. Начальство вмѣшивалось и выходили забавныя сцены. Такъ, напримѣръ, приготовлена опера *Земира и Азорѣ*. Въ полномъ костюмѣ, обшитый мѣхомъ, перьями, съ чудовищной головой, Азорѣ требуетъ жалованья; содержатель труппы обѣщаетъ выдать послѣ спектакля, когда приметъ сборъ. Азорѣ не соглашается; сверхъ своего уродливаго костюма накидываетъ шинель и идетъ на квартиру. Приказы ваютъ привести Азора силою. Его ведутъ полицейскіе солдаты. Вечеръ, будто нарочно, свѣтель, какъ день, и народъ бѣжитъ, толчится и кричитъ: «пой, мали ликаго человѣка! поймали ликаго!» За сборомъ наблюдалъ полицейскій чиновникъ. По окончаніи спектакля чиновникъ раздѣлялъ жалованье между актерами; иногда онъ не могъ удовлетворить всѣмъ требованіямъ, и содержатель приходилъ въ отчаяніе, что ему не за что будетъ купать румянъ для актрисъ. Къ счастію любителей театра, никто Штейнъ, учитель танцований, собралъ актеровъ изъ разныхъ вольныхъ странствующихъ труппъ и принялъ театръ на свое содержаніе. Между тѣмъ студенты, подъ его руководствомъ, взлумали составить балетъ у себя на танцевальномъ классѣ, и прекраснымъ исполненіемъ своего предпріятія на домашнемъ театрѣ, при публике, положили начало балета въ Харьковѣ. Штейнъ, выпросивъ у помѣщиковъ мальчиковъ и девочекъ, поставилъ на сценѣ, чрезъ вскользь мѣся-

цевъ, «настоящіе» балеты: *Принцесса Каррарская, Пигмалионъ, Волшебная флейта, Выстрѣленный вертопрахъ или Цыганы въ своихъ шатрахъ, и пляска пошла, какъ нельзя лучше.* Скоро однакожъ Штейнъ поѣхалъ въ Орелъ, въ извѣстному любителю театра, графу Каменскому, который купилъ обученныхъ Штейномъ 4 мальчиковъ и 12 девочекъ у ихъ помѣщиковъ за 25 тысячъ рублей. Впрочемъ, Штейнъ успѣлъ уѣхать публику новымъ балетомъ и склонить на построеніе нового театра. Новый деревянный театръ построенъ въ 1816 году, гдѣ теперь лѣтсвій пріютъ, противъ нынѣшняго каменнаго театра, и существовалъ чутъ ли не до 1841 года.

Надобно сказать, что послѣ отечественной войны, какъ весьма естественно, была долго въ ходу «Встрѣча незваныхъ гостей», патріотическая пьеса, о которой Филомаитскій (*) жалѣть—«за чѣмъ она опера! при такомъ (говорить) слuchaѣ пѣть, да еще въ распѣвать! Естественно, Мельникъ, работая, тянетъ пѣсенку; извиняю Сбитеничика, который хочетъ продать больше и напѣваетъ... не о вкусахъ спорить нельзя.» По особенности своего вкуса онъ и не бывалъ на операхъ, но былъ на пятидесяти представленіяхъ всѣхъ трехъ частей *Русалки*, года въ три. *Русалку* осуждали только за переливъ русскаго, просторнаго и ровнаго, какъ стеци, напѣва въ италіанскія рулады и тирольскіе перекаты съ горки на горку. Очень уважались тогда: *Семейство Старичковыхъ, Спорь до слезъ, а обѣ закладѣ не бейся, Рѣдкая вещь и Сбитеничкъ.* Русское пѣніе восхищало всѣхъ въ театрѣ, хотя публика въ съмѣи кругу была уже на сторонѣ фран-

(*) Укр. В. 1816 г.

чузскихъ разговоровъ. Любимцами всѣхъ посѣтителей театра были сначала Угаровъ, Пряженковская, потомъ еще Барсовъ и Щепкинъ.

Въ началѣ Штейновскаго театра директоромъ его былъ Г. Ф. Квитка, нѣсколько лѣтъ сряду, кажется до 1817 г., то есть до избранія въ уѣздные предводителя. При немъ пріѣхалъ изъ Курска Щепкинъ, гдѣ театръ подъ это время разстроился. Щепкину (*) нечего было долго лумать. Онъ пригласилъ съ собою другаго актера, Барсова, и явился въ Харьковъ, когда шла репетиція *Донъ-Жуана*. Артистъ, не смотря на усталость отъ дороги, тотчасъ оторвался въ театръ. Подходя къ театру, онъ совсѣмъ разочаровался въ своихъ ожиданіяхъ, увидѣвшъ вмѣсто красиваго зданія, какое предполагалъ, какой-то бренччатый балаганъ и полуразрушенную въ немъ темную лѣстницу. Барсовъ познакомилъ его съ содержателями театра, Штейномъ и Калиновскимъ, и съ первымъ тогда здѣсь комикомъ Угаровымъ, котораго Щепкинъ полюбилъ разъ навсегда. Угаровъ подвелъ Щепкина въ жею Калиновскаго, говоря: «Анна Ивановна Калиновская, первая наша актриса — съ огнемъ баба!» Между тѣмъ артисты начали прерванную приходомъ Щепкина репетицію. Донъ Жуана игралъ Калиновскій, Лепорелло — Угаровъ. Щепкинъ смущался, не узнавая Мольерова Донъ Жуана, переведенного съ польскаго языка Петровскимъ. Къ доворшенню всего Калиновскій сбивался всегда на польское произношеніе. Щепкинъ спрашивалъ, какъ устроена послѣдняя сцена, гдѣ являются фуріи. Калиновскій сказалъ: «теперь эта сцена будетъ не

такъ эффектна, какъ прежде. Прежде дѣлалась частая перемѣна, и декорація представляла адъ: фуріи выбѣгали, вылетали, высказывали изъ земли и увлекали Донъ-Жуана, теперь же этого не будетъ, потому что декорацію, представлявшую адъ, какъ везло изъ Кременчуга, смыло дождемъ, а фурія просто слетитъ сверху, схватить Донъ-Жуана и унесетъ.» — По окончаніи репетиціи, Щепкинъ спросилъ: «не будутъ ли пробовать полета?» Калиновскій отвѣчалъ: «нѣтъ! машина хорошо устроена, пробовать нечего.» — Вотъ настало время представлѣнія; пьеса начинается, идетъ и приходитъ къ окончанію: Донъ-Жуанъ въ отчаяніи призываетъ фурій, и вотъ надъ сценой показывается пара красныхъ сапогъ, потомъ бѣлая юбка съ блестками, потомъ вся фурія. Ее спускали съ балкона на веревкѣ, и она должна была одною рукою схватить Донъ-Жуана, а другою зацепить за его поясъ крючекъ спущенной веревки для поднятія ихъ обояхъ разомъ, — въ чемъ и состояла вся машина! Какъ только фурію опустили уже ниже балкона, лежавшей на двухъ сковородахъ, то веревка, случайно воевавъ, отъ тяжести стала вытягиваться и раскручиваться. Фурію спускали медленно, и веревка разъ 12 успѣла перевернуться, до того что у бѣдной фуріи или, точнѣе сказать, у полуупынаго мужчины, закружилась голова. Ставши на полъ, чудовище ничего не видѣть, шатается и размахиваньемъ рукъ ищетъ Донъ Жуана тамъ, гдѣ его нѣтъ. Калиновскій кричитъ «сюда! сюда!» Фурія какъ схватываетъ Донъ-Жуана и никакъ не попадетъ зацепить крючекъ веревки за кольцо пояса. Калиновскій начинаетъ браниться, но фуріяничего не въ состояніи сдѣлать..... Щепкинъ самъ

(*) Рассказъ г. Щепкина. 2 кн. Р. В. 1856.

не свой:... выбѣгаетъ изъ ряда кресель, бросается на сцену, вырываетъ у механика веревку и опускаетъ занавѣсъ.... Невидимо уже для публики Донъ Жуанъ бросается на фурю съ остервененiemъ и терзаетъ ее за волосы.... но обратимся къ Щепкину. Онъ игралъ роли принцевъ и графовъ въ драмахъ и трагедияхъ. Развъ Григорій Федоровичъ сказалъ Щепкину: «эхъ, братъ, играй въ комедіяхъ, изъ твоихъ фіжмъ и министерства постоянно выглядываютъ Мольеровскіе Жокрисы!» Щепкинъ (*) понялъ Квитку, послушался и явился отличнымъ комикомъ Малороссійскій, Полтавскій и Черниговскій генераль-губернаторъ, князь Рѣвновъ перезвалъ труппу Штейна въ Полтаву, подъ свое покровительство; оттуда, когда разстроился театръ, Щепкинъ перешелъ въ Москву, а Штейнъ возвратился въ Харьковъ,—уѣзжалъ и приѣзжалъ, разѣзжалъ по ярмаркамъ и имѣть резиденцію въ Харьковѣ.

Вотъ прѣѣхала изъ Полтавы «за Крещенскую» (1819) труппа Штейна. Пошла Ябда, но не имѣла большаго успѣха; казусныя продѣлки и выраженія не совсѣмъ были понятны харьковцамъ и, по словамъ Филомаѳитскаго (**), могли быть пробнымъ камнемъ даже для столичныхъ актеровъ. За то Приключение въ жиодской корчмы развеселило публику, какъ нельзя больше, содержаніемъ и игрой. Въ Водовозъ графиню Арманъ представила Праженковская и, по наивно забавному разсказу Филомаѳитскаго, простосердечные зрители пдали непрѣтворно, видя, какъ жена не хочетъ разлучаться съ мужемъ, второго ташать солдаты, и вся публика признала, что Водовозъ наставительнѣе Жиодской

корчмы». Подобный патетическій моментъ случилось и мнѣ замѣтить—и когда? въ тридцатыхъ годахъ; его вызывали Коварство и любовь (уже однимъ названіемъ), Жизнь широка, Король Лиръ, Гамлетъ, въ которомъ Могиловская памятна наивностью и пѣніемъ Офелии не только въ концѣ этого, но и въ началѣ слѣдующаго периода. Впрочемъ въ это время наивнаго сочувствія къ главной темѣ пьесъ и снисходительности къ выполненію, сколько помню, люди образованые требовали отъ изящныхъ искусствъ, особенно же отъ музыки и пѣнія чего-то понятнаго знатокамъ и не знатокамъ, чего-то удовлетворяющаго общему вкусу. Но въ это же время, по словамъ ихъ, стали вводить въ музыку какую-то мудреность, подобную пльмецкой философіи, замѣнять чувство бѣглостью смычка, натяжкой голоса, вместо вѣрности тоновъ и соблюдения мѣры—выражать музыкой совсѣмъ не то, что заключается въ темѣ оперы, соблюдать въ квартетахъ всѣ правила музыки, кроме главнаго—быть понятными, выражать въ пѣсняхъ и романсахъ печаль вместо радости, радость вместо печали, даже ничего вместо опредѣлительно того или другаго чувства,—увидѣвать въ концертахъ одною быстротою руки и гибкостью голоса, а всѣ образованые люди того времени не могли понять, «какъ это дѣлается, имѣя въ виду примеры древнихъ, среднихъ и новыхъ виртуозовъ.»

(До слѣдующ. №).

Книжная торговля въ провинціяхъ. Въ наше время нерѣдко приходится слышать

(*) Преданіе очевидцевъ (журналъ «Живопись»).

(**) Ук. В. Г. 1819.

объ открытии въ разныхъ городахъ новыхъ книжныхъ магазиновъ и библиотекъ для чтенія. Какъ не порадоваться такому усиленію книжной торговли, какъ не сочувствовать предпріимчивости нѣкоторыхъ капиталистовъ, желающихъ поставить этотъ видъ коммерціи въ уровеньъ современными потребностями, высказываемыи литературою? Остается только пожелать, чтобы провинціальные читатели поддержали то усердіе, съ какимъ предлагается имъ разнообразный материалъ для чтенія. Но посмотримъ, какъ въ небольшомъ числѣ пріемѣровъ удовлетворяется въ провинції потребность въ чтеніи. Конечно, прежде всего всякий желаетъ читать новое, отзывающееся всѣми интересами вопросовъ современныхъ, и вотъ съ этою цѣлью выписываются здѣсь нѣсколькими листами газеты и журналы, изъ которыхъ каждый номеръ непремѣнно перебываетъ въ рукахъ многочисленныхъ читателей, знакомыхъ съ подписчикомъ на то или другое периодическое изданіе. Такимъ образомъ, для многихъ потребность въ чтеніи уже удовлетворяется этими средствами, нерѣдко исключающими необходимость обращаться къ книгопродавцу за какими либо другими книгами. Само по себѣ разумѣется, что у него можетъ быть значительное собрание ихъ и при томъ самого разнороднаго содержанія; но онъ вѣдѣтъ, на пріемѣрь, что изъ книгъ литературы ученой болѣе всего оказывается запросъ на учебники, а изъ отдѣла изящной словесности отъ времени до времени появляются нѣкоторыя требованія на произведенія легкой беллетристики, пріятно разнообразящей досугъ тѣхъ, кто не любить затруднить себя серьезнымъ чтеніемъ. Удивительно ли послѣ этого, что провинціальный книгопродавецъ, при всемъ же-

заніи улучшить составъ своей библіотеки, часто видѣть въ этомъ предпріатіи невыгодный для себя рискъ? Вотъ самая естественная причина того, что въ рѣдкомъ книжномъ магазинѣ въ провинції найдете вы капитальныя произведенія современной науки даже на языкахъ отечественномъ, не говоря уже объ ученыхъ сочиненіяхъ на языкахъ иностранныхъ. Ясно, что въ книжной торговлѣ, какъ и во всякой коммерческой операциѣ, на первомъ планѣ у предпріимателя должны стоятьѣ вѣроятность не безвыгоднаго вознагражденія за помѣщеніе капитала въ товаръ. Какъ бы ни былъ образованъ книгопродавецъ, но ему никогда нельзя отказать въ справедливомъ желаніи имѣть отъ своей торговли такую же умѣренную прибыль, какой бы онъ могъ всегда ожидать отъ помѣщенія капитала въ другихъ отрасляхъ коммерціи. Если же книгопродавецъ въ теченіе цѣлаго года не слышитъ запроса ни на одно значительное ученое сочиненіе, то съ какой стати ему, какъ коммерсанту, затрачивать капиталъ въ оборотъ почти непроизводительный? Этимъ-то и объясняется, почему составъ книжныхъ магазиновъ въ провинції часто бываетъ таковъ, что не удовлетворяетъaprіористическимъ взглядамъ тѣхъ, кто, не обращая вниманія на существенные обстоятельства, усиливющія расходъ книгъ, предполагаетъ, что во всякой порядочной книжной лавкѣ непремѣнно должны быть произведенія всѣхъ литературныхъ и ученыхъ знаменитостей. Если строго смотрѣть на положенія науки о торговлѣ, то во всякомъ случаѣ не должно забывать, что предложеніе идетъ за требованіемъ. Этого начала никакъ нельзя опускать изъ веда и при обсужденіи вопроса о книжной торговлѣ. По нашему мнѣнію,

существенные недостатки ея въ провинціи зависятъ отъ слабаго запроса на книги вообще или же отъ исключительнаго требованія двухъ, трехъ разрядовъ книгъ, при которыхъ всѣ остальные оказываются для книгопродавца капиталомъ рѣшительно непроизводительнымъ. Но и при удачномъ подборѣ книгъ, сдѣланномъ въ соотвѣтствіи съ большинствомъ требованій, книгопродавцевъ въ провинціи часто далеко не получаетъ той умѣренной прибыли, на которую онъ разсчитывалъ, и вотъ по неволѣ онъ окружаетъ свои книги вѣкоторыми другими товарами, на промѣръ, пачею бумагой, дѣтскими игрушками и вѣкоторыми галантерейными вещами. Безсоорно, что такое состояніе книжной торговли въ провинціи слабо и неудовлетворительно, въ сравненіи съ тѣмъ развитіемъ, какогодо она достигаетъ въ столицахъ; но, тѣмъ не менѣе, нельзя не видѣть, что главная причина такого застоя ея лежить въ слабомъ требованіи на книги. Усиленіе его было бы достаточнымъ поощреніемъ для книгопродавцевъ имѣть у себя только одинъ книги и не обставлять ихъ другими товарами.

Р. Д.

VI.

ЧАСТНЫЙ ОБЪЯВЛЕНИЯ.

1) 20000 арш. жакона, муслинъ и газѣбажена, выборъ изъ 500 новыхъ рисунковъ, — продается отъ 10 до 75 к. сереб., въ главномъ депо заграниценныхъ мануфактурныхъ товаровъ въ домъ Пашенкова, и въ

Голландскомъ базарѣ, на Московской улицѣ, въ домѣ Губина (200) — 1.

2) Въ 5 й части, подъ Холодной горою, предѣлъ садомъ г. Верховской подѣ № 753, у сдѣловы Орловой продаются: 1) фортепиано въ 6 $\frac{3}{4}$ октавѣ за 75 руб. сереб., 2) 9 скрипокъ, изъ коихъ одна была цѣнима до 1000 р. сер., и 3) 1 пупитръ. О цѣнѣ можно узнать у г-жи Орловой (202) — 1.

3) Отдается въ содерѣжаніе для снятія плодовъ находящійся во временномъ владѣніи г. Висманъ фруктовый садъ, въ г. Харьковѣ, подѣ Холодною горою, — купчиши Крейтеръ.

Уполномоченный довѣренностью титулярный советникъ Булгаковъ. (190) — 1.

4) По случаю выѣзда, продаются лошади упряженныя, мебель и разныя хозяйственныя вещи; спросить въ домѣ помѣщицы Ковалевской, на улѣ Малой Конторской и Дмитріевской улицы. (139) — 2.

5) ВОЛДЪШОЙ ВЫБОРЪ

французскихъ ЖАКОНЕТОВЪ, шерстянаю и шелковую БАРЕЖА, бѣлаю и цвѣтную БРИЛЛАНТИНА, ПИКЕ, льтнихъ ШЕРСТАНЬХЪ матерій, ВЫШИВАНІЙ, настоящую голландскую ПОЛОТНА, ПОЛОТНЯНЫХЪ и БАТИСТОВЫХЪ платковъ и разныхъ другихъ товаровъ,

ВЪ МАГАЗИНЪ ЯКОБСОНА,

на Николаевской площади, въ домѣ почетного гражданина Ковалева. (160) — 2